

слугам многим: мнози бо оставляють о(т)ца и мать, к нему прибегают“;¹ „князь щедр, аки река, текуща без берегов сквози дубравы, напяюще не токмо человеки, но и звери“.²

Даниил восхваляет богатства князя: „Княже мой, господине! Яко же море не наполняется, многи реки приемля, тако и дом твой не наполнится множеством богатства, приемля, зане руже твои, яко облак силен, взимая от моря воды, — от богатства дому твоего, труся в руже неимущих. Тем и аз в жадах милосердия твоего“ (разрядка наша, — Д. Л.).³

Даниил объясняет, что он явился к князю, рассчитывая на его щедрость: „Но видих, господине, твое добросердие к себе и притекох к обычной твоей любви“.⁴ Даниил, следовательно, пользуется „обычной“ любовью князя и находится при его дворе, а не пишет ему издалека.

По контрасту с богатством князя Даниил всячески подчеркивает свою нищету: „и покры мя нищета, аки Чермное море фараона“;⁵ Даниил, „аки трава блещена, растяще на застении, на нюже ни солнце сияет, ни дождь идет“, он „всяким обидим“,⁶ он „одеянием оскуден есмь“,⁷ для него „лучше смерть, ниже продолжен живот в нищете“.⁸ Даниил размышляет о том, как бы ему избыть нищеты. Эти размышления нарочито нелепы — жениться на „злообразной“, но богатой жене, украсть и т. д. Чем нелепее его проекты, тем безвыходнее кажется его положение.

Приглядевшись ближе к положению Даниила, взывающего к щедрости князя, мы заметим любопытные черточки в самой стилистической форме его просьб. Даниил не один; он сравнивает себя и своих товарищей с птицами небесными, которые „не орют, не сеют“: „И возри на птица небесныя, — обращается Даниил к князю, — яко тии ни орют, ни сеют, но уповают на милость божию; тако и у тебе, господине, желают милости твоей“.⁹ Даниил скитается, и где бы он ни находился — всюду ему плохо: „Кому Боголюбиво, а мне горе лютое; кому Белоозеро, а мне черней смолы; кому Лаче-озеро, а мне на нем сея плачь горкий; и кому ти есть Новгород, а мне и углы опадали; зане не процвите часть моя“.¹⁰ Даниил хвалит щедрость князя по отношению к пришельцам из других стран, и в этом опять-таки нельзя не усмотреть личного момента: „Воспоет, рече, ряп, созовет птенца, их же роди и их же не роди; тако и ты, княже, многи слуги совокупи, не токмо своя домочадца, но и от инех стран совокупи, притекающая к тебе, ведуще твою обычную милость“.¹¹ Князь, следовательно, собирает не только слуг — своих домочадцев, но и слуг из других стран и на них распространяет свою „обычную милость“. В случае получения милости от князя Даниил обещает: „Да возвеселюся о царе своем, яко обретая корысть многу злата, воспою, яко напоен вина, возвеселюся, яко исполн теши путь“.¹²

¹ Н. Н. Зарубин, ук. соч., стр. 19.

² Там же, стр. 20.

³ Там же, стр. 64.

⁴ Там же, стр. 6.

⁵ Там же.

⁶ Там же, стр. 7.

⁷ Там же, стр. 22.

⁸ Там же, стр. 10.

⁹ Там же, стр. 39.

¹⁰ Там же, стр. 8.

¹¹ Там же, стр. 66—67.

¹² Там же, стр. 63.